

Чехов для «троечников»

Премьера «Вишневого сада» в Коляда-театре недоумевают Кася Попова

«ВИШНЕВЫЙ САД» в постановке Николая Коляды получился антиалкогольным и отнюдь не глубокомысленным — комедия Чехова успешно адаптирована для «троечников».

Коляда попытался уложить Чехова в неоднократно использованное им ложе балагана. И «Ревизор», и «Женитьба» сделаны им в отчаянном духе русской сувенирной триады: водка — матрешка — балалайка. В «Вишневом саду», в дополнение, появляются еще незадействованные донные пляшущие медведи. Однако, на мой взгляд, Чехов не вмещается в органичные для интерпретации гоголевского текста «балалаечные» мотивы, — точнее, укладывается, но не целиком: постановка, кажется, заметно обеднила пьесу.

«Вишневый сад», одна из визитных карточек русской культуры, активно ставится по всему миру не столько ради попытки постичь феномен таинственной «русской души», сколько из-за заслуженной Чеховым репутации тонкого душеведа и человеколюбца. В спектакле Коляды препарирование тонких материй отсутствует, — таким сложным операциям и не место там, где персонажи не только откровенно пьяны, но и решительно отказываются трезветь.

Все отличительные признаки «Вишневого сада», вынесенные из томительной скуки школьных уроков,

в спектакле прослеживаются. И сам сад, смастеренный из элементов деревянного зодчества, при взгляде на которые память выносит полузабытое слово «балясины». И опорные точки сюжета, которые не может не знать даже «троечник»: промотавшаяся бабынька никак не может уразуметь своей выгоды и закономерно лишается своего недвижимого имущества. По версии Коляды, закономерность торжествует, поскольку Раневская (Василина Маковцева) постоянно пьяна и трезвеет лишь однажды, вспомнив о погибшем ребенке. Стильная декадентка прожигает жизнь по-крупному, сильно сосредоточившись на этом процессе, не вызывая, однако, сочувствия.

Хорош в спектакле разве что вечный студент Петя Трофимов в исполнении Антона Макушина. Чему бы там ни учили учителя, этот Петя — личность цельная, энергичная, вызывающая уважение и не забывающая о вечных ценностях даже в состоянии сильного алкогольного опьянения, когда уже ни петь, ни рисовать.

Единственным трезвым в этом случае остается Лопахин (Олег Ягодин), который «поднялся» на выращивании наркотического сырья — мака, так что его неприятие алкоголя вполне объяснимо. Финальное преображение Лопахина в супермена происхо-

дит за счет частичного разоблачения и активной топорной работы. Ягодин, натурально, орудует топором, что вызывает понятные опасения — как бы щепкой не прилетело в глаз.

Как любая постановка Коляды, «Вишневый сад» отличается избыточностью. Топоров хватило бы на бригаду сукорубов, народные бокалы — пластиковые стаканчики — равномерно покрывают всю сцену, будто центр Екатеринбурга после Дня города. Таким образом режиссер вновь демонстрирует приверженность к характерной для него трэшевой, мусорной, эстетике. Но прием, заставлявший, скажем, в «Ревизоре» переживать за типов, с головы до пят обляпанных грязью, и всерьез болеть за судьбу России — с Чеховым не сработал. Этот автор не столь однозначен, как Гоголь, за любым его сюжетом скрывается больная душа, которая испаряется при вольном пересказе. Хотя сам драматург назвал «Вишневый сад» комедией, разновидностей юмора существует немало, и смешное у Чехова и у Гоголя сильно отличаются. И первого никак не назовешь сатириком, в отличие от второго.

«Выстрелившие» в «Женитьбе» навязшие в зубах цитаты русских классиков вроде «выпьем-с-горя-где-

же-кружка» — в «Вишневом саду» не совсем к месту. «Краткость-сестра-таланта» или «в-человеке-все-должно-быть-прекрасно» не настолько общеизвестны, да и употребляются с претензией на некую интеллектуальность и душевный подъем, каковых в данном саду не растет.

Чехов настоятельно требует от зрителя: душа обязана трудиться! — в спектакле же она предается лени. Возможно, сочувствие нетрезвым персонажам может пробудиться у зрителя в адекватном состоянии, но пойти на такой эксперимент при всем уважении к режиссеру и театру я, право, не готова.

К сожалению, режиссерское прочтение «Вишневого сада» не совпало с моим ощущением, хотя другие зрители восприняли спектакль восторженно, вплоть до комплиментов о том, что эта постановка — лучшая у Коляды. Мне же кажется, что Чехов не поддался, ускользнул от диктата режиссерской интерпретации, и на сцене Коляда-театра разыгрывается история преимущественно о последствиях повального пьянства. Хотя, несомненно, скучной и неинтересной ее никак не назовешь.

Коляда-театр / 17, 18, 19 декабря (18.30)